

О РОМАНЕ БУЛАТА ОКУДЖАВЫ «СВИДАНИЕ С БОНАПАРТОМ», И НЕ ТОЛЬКО О НЕМ

СМОТРИЮ почту, посвященную роману Булата Окуджавы «Свидание с Бонапартом» («Дружба народов», № 7—9, 1983). Как всегда, когда дело касается этого писателя, — поклонники и скептики.

«Не пойму, зачем Булат Окуджава оставил свои замечательные песни и переключился на исторические романы. Неужели он не понимает, что основанный им жанр — уже почти классика, а как исторический романист он всего лишь один из многих?.. Хотя бы критика ему это объяснила...» Можно, правда, вспомнить, что лет двадцать назад и от песен иные советовали отказаться: мешанство, говорили, и пошлость. А теперь — «классика жанра».

Иные из энтузиастов готовы к классике причислить и прозу Булата Окуджавы. «Я проглотила три книжки журнала буквально за один день, не могла оторваться. Финал заставил меня разрыдаться».

Разрыдаться — иногда это выше всяких похвал. Народ нынче не сентиментальный, слезы просто так не выдавишь. Есть в письме еще разные эпитеты в превосходных степенях, и упреки в недооценке творчества Булата Окуджавы, и требование разделить восторженный взгляд на его прозу. Не знаю, не знаю. Разная она, эта проза. Мне, к примеру, далеко не все по душе. А вот последний роман нравится. Слово, конечно, не из литературоведческого лексикона. «Нравится» — не нравится» — словарь восьмиклашек. А в статье анализ подавай, в чем достоинства и недостатки.

Но вот именно анализировать прозу Окуджавы с помощью привычного литературоведческого инструментария как-то скучно. Неприменим он к этой прозе, что ли? Или обманывать ожидания читателя входит в задачу автора?

Видела как-то на катке группу детишек. Учитель физкультуры, должно быть, своих младших на лед вытаскил. Стоит с секундомером. Взмах рукой — все бегут. Одна девочка сделала два-три шага, остановилась и пируэт стала выкручивать. Как оценить пируэт с помощью секундомера? У каждого свой секундомер в руке, когда мы, открываем книгу. Хотя бы название. «Свидание с Бонапартом». Неужто роман о 1812 году? Так ведь какие были предшественники! И вот отравленное литературой воображение услужливо подкашивает картинку: Бородинское сражение, подводы с ранеными, Наполеон на коне, пожар Москвы. Но автор от ожидаемого читателем состязания уклоняется, делает пируэт и предлагает познакомиться с заметками из частной жизни генерал-майора Опочинина, оставшего командира московского мушкетерского полка, ныне живущего помещиком в своих родовых Липеньках.

Генерал ерничает, иронизирует над всем и вся. Но что таится за шутовским тоном записок, за старомодным благородством и вольтерианской усмешкой? Готовность к подвигу, к самопожертвованию? Что значит эта затея — дать торжественный обед в честь «гениев войны», Наполеона и его маршалов, во время которого отечество «расправит могучие крылья», воины «крикнут ура!», и все покажется в обратном направлении? Липеньки соперничают с Бородином?

Да и то — история еще не перетекла из настоящего в прошлое. Помните, как в «Войне и мире» Пьер пытается выяснить у одного офицера, что за деревня перед ним. «Бурдино или как?» — обращается офицер с вопросом к своему товарищу... «Бородино», — поправляет тот. Чем Липеньки хуже?

Курок действия взведен. Наполеон шествует к Липенькам, по губернии ползут

слухи о предполагаемом обеде Опочинина в честь «узурпатора и его приспешников», любимый племянник отъезжает в Москву, не дожидаясь, пока Наполеон похвалит генерала за отварную стерлядь, сосед по поместью, Лобанов, является с визитом недоверия, а загадочная Варвара, причудливых отношений которой с героем читатель долго не может уяснить, в гневе обвиняет любящего ее человека в предательстве...

...Провести бы анкету среди критиков, прочли ли вы данную книгу по профессиональной необходимости или потому, что хочется прочесть? Или такой тест: вы торопитесь закончить домашние дела и прервать телефонный разговор, потому что вас манит эта книга, или вынуждены садиться за нее, потому что надо? Не скрою, в моей жизни преобладает второе.

А. ЛАТЫНИНА

ДА, ИСТОРИЧЕСКИЕ
ФАНТАЗИИ!

И честное слово, приятно читать, когда читать хочется.

Вы горюпиво пробегаете страницы записок, с удовольствием отмечая изысканность, сочетающего романтическую приподнятость с иронией, и, записывая на стихотворных вкраплениях в прозаический текст (знак переходности жанра? Напоминание о песне?), ваше внимание задерживается на скрупулезном перечислении инструментов оркестра и меню обеда (каждое название — внешний повод для цепи ассоциаций, увы, давно опробованный прием «модерна»), но вперед, вперед, к свиданию с Бонапартом, к фейерверку... Кажется, пружина романа ясна. Тут так и видишь фразу «автор умело вводит авантурную интригу в структуру произведения». Но вдруг выясняется, что удалившийся в свой дом в самый напряженный момент объяснения с любимой генерал Опочинин исчез из романа навсегда, и о судьбе его отчаянного предприятия будет упомянуто лишь вскользь, в письме, полученном племянником Тимошей: погиб, мол, от пули заезжего французского драгуна. И все?!

С точки зрения сюжетной интриги, просчет явный. Представьте, например, что Достоевский заманил читателя намеками о каком-то безумном замысле Раскольникова, а потом оставил его с топором на лестнице, крадущимся к двери старушки-процентщицы, и вообще забыл про героя.

Так же расправится автор и с французской певицей Луизой Бигар, от лица которой ведется повествование во второй части, — тут будут острые сюжетные моменты и напряженное ожидание развязки. Но романист внезапно отошел ее в Париж из горячей Москвы и забудет почти

окончательно. Можно возмутиться: да что ж это автор делает со своими героями?! Зачем? А можно и задуматься над связью всех этих людей в истории (о, не будем вспоминать, что они вымышленные), связью всеобщей и трагичной, о бессилии человека перед судьбой. Замышляет Опочинин спасение России, геройский поступок, самопожертвование — а зонтик глупой занесшейся крепостной, колынувший лошадей французского драгуна, способен разрушить все замыслы. На каком тонком волоске висит судьба!..

Кстати, вот еще письмо, это уж мне лично. В одной статье я писала об ушедших в литературный ширпотреб «общих местах» мировой литературы, о несовместимости всех этих таинственных совпадений и роковых страстей с поэтикой современной психологической прозы. И вот теперь читатель обращает мое внимание на обилие «роковых совпадений» и отсутствие «психологических мотивировок» в романе, считая, что таинственные связи и «мистические поцелуи», непостижимым

образом соединяющие героев, во всяком случае не придут мне по вкусу.

Да, в романе Окуджавы достаточно странного, рокового и таинственного. И, уж конечно, ни роковая женщина Варвара Волкова с неправдоподобно большими синими глазами, отмеченная блестящим умом, мужской отвагой и печатью родового проклятия, ни столь же роковой «мистический возлюбленный» ее, непостижимый скептик, супермен начала XIX века, холод которого заставляет томиться безответной любовью не одну только Варвару, господин с простоватой фамилией Свечин, в психологическом романе неуместны. Представить себе ну хоть толстовскую героиню, выходящую, подобно Варваре, из подожженного, готового рухнуть дома к разъяренной толпе с двумя пистолетами в руках! Совсем другая поэтика. Сцена из романтической драмы. А сами герои — скорее герои старинного романа, рыцарской поэмы. Оттого их любовный поединок и не может завершиться счастливой развязкой. Но, неуместные в психологической прозе, они уместны в произведении, использующем поэтику романтического и авантурного романа, в произведении, где столь большое место занимают ирония, пародия, просто, наконец, игра с разными жанрами, следование канону и одновременно его разрушение.

Автора письма это раздражает — все, вплоть до лексики: «проклятые и восхитительные объятия», «неразгаданная страсть», обволакивающая «горечь какой-то неясной утраты» и холодеющие кончики пальцев видятся ему печальным отступлением от принципов психологической прозы — разве так, мол, писал Толстой «Войну и мир»?

Нет, не так, разумеется. Признаюсь, и я не в восторге от «восхитительных объ-

ятий», но все же не понимаю, почему нужно цепляться за не столь уж многочисленные в романе «поэтизмы» в духе пушкинского Ленского, не замечая, что все же перед нами стилизованные записки дамы, воспитанной на той же литературе, что и Ленский, и чем в конце концов гробницы «таинственная сень» хуже «горечи неясной утраты»?

И в то же время — как не увидеть именно изящества лексического строя прозы Булата Окуджавы, отточности рыцарских словесных турниров той же Варвары и Свечина, к примеру? Не являются ли подобные упреки плодом печального литературного воспитания, когда все движение литературы представляется устремленным вперед, к рождению психологического романа (подобно тому, как вся эволюция гоминидов устремлена к появлению homo sapiens), а все иные стиливые явления — туликовыми ветвями эволюции?

Но боковые ветви — не туликовые.

Хотя, конечно, ветви — это всегда уход в сторону от ствола, и любителей регу-

разделены на выдающихся людей и обыкновенных, и не только Франц Мендер ощущает свою странную связь с Бонапартом (в которую, кстати, всрит и его воспитанник Тимоша, племянник Опочинина). Обычные человеческие судьбы, от генерала Опочинина и интеллектуала Свечина до крепостной Арины, оказываются в центре пересечения мировых сил, и их судьбы побуждают к размышлениям над смыслом прошлого, и размышлениям иным, чем побуждали исторические романы XIX века, ибо то, что написано сегодня Булатом Окуджавой, отмечено опытом века двадцатого.

В исторической ретроспективе, после опыта революций и мировых войн, нам сейчас яснее видно, что именно с Французской революции и Наполеона истории задается иной темп, все убийствующий событиями XIX и XX веков. Но почва старой Европы заколебалась под ногами после Великой французской революции. Этот подземный гул неумолимо достигает России, превращаясь в залпы на Сенатской площади, эхо которых отзывается в Липеньках пистолетным выстрелом Тимоши Игнатьева, юного героя двенадцатого года, спустя десятилетие слишком трезво взглянувшего на мир, чтобы разделить оптимистические надежды своих бывших друзей на изменение хода истории, и слишком требовательно вглядывающегося в себя, чтобы принять жребий, отличный от их, казематного. «Что на самом деле толкнуло его на столь невероятное и ужасное решение своей судьбы...?» — недоумевают близкие, но мы-то, читатели, чувствуем: неумолимые толчки истории, действие которых на человеческие судьбы так ощутимо в романе Булата Окуджавы. Какая-то таинственная музыка истории, рожденная бубенцами Варвары Волковой, подрагивающими на ветру, постоянно звучит в нем. Камерная музыка, музыка негромко пропетого исторического романа, быть может, но мелодия своеобразная и чистая... Что же до обманутых ожиданий читателя, вознамерившегося получить добротный исторический роман о Наполеоне в России, а получившего нечто совсем иное, — что тут сказать?

Не является ли его разочарование результатом усилий критики, которая, похоже, ждет от писателя, задумавшегося над прошлым, воссоздания истории лишь в «исторических» образах? Но не мало ли?

Не суживаем ли мы возможности литературы одним уже тем, что называем всякого обратившегося к истории «историческим романистом» и стремимся заключить его в тесную клетку жанрового канона? Печально ценю, например, романы Дмитрия Балашова или Юрия Давыдова с их, можно сказать, героическими попытками воскресить драматические и переломные моменты русской истории. Это добротная историческая проза. Отличная проза. И достаточно надежное «пособие» для любителей русской истории.

Я бы на месте учителя истории просто рекомендовала к теме «народное творчество» «Глухую пору листопада» Ю. Давыдова. А вот к теме «война 1812 года» роман Булата Окуджавы рекомендовать бы не стала. Но не потому, что он хуже. Другие задачи. К прошлому обращались и Шекспир, и Пушкин, и Гюго, но никто не работал в «историческом жанре». И не потому, что он не оформился как жанр. Целью литературы виделось создание, а не воссоздание.

Любопытно, что Достоевский однажды тоже чуть было не написал роман, действие которого уходило в глубь веков. Заинтересовала его история Иоанна Антониовича, младенцем провозглашенного императором, свергнутого с престола Елизаветой и проведшего жизнь в одиночном заключении. История ли? Интриги двора, тайны, перевороты? Нет, конечно. Поразил человеческий образ. И занимало положение человека, вышвырнутого из сферы человеческих отношений («подполье, мрак, юноша, не умеет говорить»), возможность нарисовать «фантастические картины и образы, сны». В той или иной форме этот замысел нашел продолжение в романе «Идиот».

Представить себе, что современный романист берет вот так образ из прошлого и начинает безудержно фантазировать? Да его заклюют блюстители «исторической достоверности»! Я не к тому, что, мол, плыть на достоверность. Да сколько могу судить, никаких грехов против истории в романе и нет. Просто, поместив прозу Булата Окуджавы не является исторической прозой, «историческим жанром» — и судить ее надо по иным законам.

«Мои исторические фантазии» — сговорился он как-то в одном интервью, хотя спрашивали все больше об «историческом жанре».

Исторические фантазии. Неплохое жанровое определение. Можно и принять.

лярных парков, к примеру, своеволие неправильно растущих ветвей не может не раздражать.

Есть немало литературных произведений, сделанных по всем правилам, замечательно продуманных, тонко распланированных. Разбирать их одно удовольствие — всегда можно дать и себе, и читателю полный отчет в искусстве автора.

(Так, в сказке Андерсена «Соловей» капельмейстер приходит в восторг от того, что можно разобрать по нотам песню механической птицы и дать полный отчет в ее искусстве.)

Роман «Свидание с Бонапартом» так не разберешь. То какой-то посторонний мотив искажал мелодию, то вовсе все пошло не по правилам. Есть что-то непрофессиональное в романе Булата Окуджавы (да простится мне это слово). Так непрофессиональны его песни. Какая-то нерасчетливость, стихийность, рискованность. Смешение стилей. Отсутствие правил. Вместо «отражения» мира — его романтическое преобразование, пересоздание. И есть живая органичность и внутренне присущее писателю чувство меры, что и позволяет сплавлять несоединимое, что подправляет (или направляет) безудержный полет фантазии.

НО ПРИ всей безудержности фантазии «Свидание с Бонапартом» внутренне располагает к глубокому размышлению над смыслом истории, быть может, именно оттого, что автора интересуют не столько выдающиеся деятели прошлого, так сказать, солисты театра истории, сколько рядовые персонажи, вовлеченные в действие неумолимым ходом событий, значение которых им лишь предстоит осознать.

В романе есть один герой — Франц Мендер. Полубезумный, австриец уверен, что именно его преследует армия Наполеона по всей Европе. Он устремляется в бескрайние просторы России, но и тут его настигает Бонапарт, и не остается несчастному ничего другого, как пожертвовать собой, уверившись, что он навлек гнев императора на приютившую его страну.

Тяжба Франца Мендера, губернатора русского барчука, с Наполеоном не так уж комична. Герои в романе Булата Окуджавы не